

Фото Евгения Саенко

Илья Оганджанов

Брат мой кузнечик

Иногда мне кажется, что для полноценного понимания, я бы даже сказал, *вживания* в поэзию Ильи Оганджанова с читателем его лирических стихов должно произойти какое-то маленькое волшебство. Я думал об этом, пытаюсь подобрать такому чуду — имя.

Может, оно именуется обретением поэтического слуха? Мне запомнились слова, сказанные поэтом старшего поколения о том, что абсолютный поэтический слух — явление куда более редкое, чем, скажем, слух музыкальный.

Сегодняшняя подборка стихов Ильи в основном сложилась из рифмованного. Между тем в прошлом году вышла его книга «Тропинка в облаках», сплошь состоящая из верлибров. На представлении её перед читателями я говорил о том, что вся она — сознательно и бессознательно — создана во славу Божьего мира, что в ней присутствует таинственное вещество преображения. Но тогда я забыл сказать ещё и о музыке.

Попробуйте читать его стихи вслух, не торопясь: как тонко и богато они *звучат*.

О своих поэтических учителях Оганджанов — получивший два высших образования (и два «красных» диплома), прошедший уникальную многолетнюю «школу ремесленного мастерства», сиречь литературную студию «Кипарисовый ларец» (руководимую незабвенной Ольгой Татариновой), — рассказывает неохотно. Наверное, можно и нужно назвать Фета, Георгия Иванова, Блока. Я думал, конечно, ещё и о Николае Заболоцком, и о Арсении Тарковском. И даже — об Уолте Уитмене (недавно Илья дерзнул перевести его «Капитана», так что мы совсем не случайно даём сегодня рядом с оригинальными стихами Ильи его премьерный перевод самого знаменитого стихотворения Роберта Фроста).

В оценках своей и чужой словесности Илья Оганджанов предельно беспощаден, поэтому в частных разговорах о поэзии он пользуется такими старомодными оборотами, как «кодекс чести» и «признак подлинности». И ещё такими подзабытыми определениями, как «точный» и «ясный»... **Ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунок Романа Макагонова

Бессонный бег автомобилей.
Дремучий ливень. Юный май.
Зачем, зачем мы в этом мире?
Нет-нет, прошу, не отвечай.

И мчится улица бурливо
В распахнутые небеса,
Пока пророчествует ливень
И проповедует гроза.

К синим звёздам уносится дым.
Никого не окликнуло эхо.
Дым над лесом, над домом моим,
над золою двадцатого века.

Струйку дыма сжимает рука,
и угрюмые, как каторжане,
надо мною плывут облака,
исчезая в вечернем тумане.

Куда убегает дорога?
Куда утекает река?
И в рёве мотора — тревога.
В гудке парохода — тоска.

И что-то припомнится смутно.
Со смертью аукнется жизнь.
— Прощай, — ветер шепчет кому-то.
Кому-то он шепчет: — Вернись.

послушай как бьётся сердце
его косолапые шаги
похожие на «да-да» и «нет-нет»
всё ближе и ближе
будто в гулком глухом переулке
кто-то идёт за тобой по пятам
неотступно и неумолимо

я говорю
с травой листвою волной
кузнечиком и стрекозой
заливистой мне неизвестной птицей
словно с самим собой я с ними говорю
и словно сам себе же отвечаю
дремучим шелестом и колыбельным плеском
гудением и стрёкотом и мне
вдруг кажется
что это не у птицы — у меня в гортани
журчит хрустальный ручеёк

Небо, поле, тишина.
Больше ничего не надо.
Пью вечернюю прохладу
Из открытого окна.

Памяти закатный свет.
Тени на тропинке сада.
Больше ничего не надо.
Больше ничего и нет.

С утра про себя напеваю
какой-то нехитрый мотив
откуда он взялся не знаю
вдруг сердце моё растопив

И странная песенка эта
со мною сегодня весь день
как отблеск нездешнего света
из прошлого грустная тень

Мелодия вроде простая
а я чуть не плакать готов
как будто во сне повторяя
припев два куплета без слов

качнётся лодка у причала
растает облако вдали
опавший лист в груди прошелестит
это время проходит моё
как поступь его величава

как звонко струится по венам рассвет золотой
как горестно память стрекошет
ответь мне кузнечик
одной ли печалью полны мы
с лесом облаком и рекой

в стрёкоте щебете шелесте тонут слова
в небе сияет заря чудотворной иконой
брат мой кузнечик
какая ширь над нами какая тишина
и в полный рост на косарей идёт трава

Роберт Фрост (1874–1963)

Зимним вечером у леса

Чей это лес — я знаю, знаю,
Чей дом во мгле морозной тает.
Хозяин этих мест суровых
Меня не видит, не встречает.

Мой конь о лёд звенит подковой —
Зачем мы здесь вдали от крова?
Зачем, зачем в седую тьму
Гляжу, не проронив ни слова?

И что отвечу я ему?
Бубенчик дрогнул на ветру,
И снег чуть слышно зашуршал,
Чуть слышно мне лишь одному.

Чудесный лес во тьме стоял,
Но я вернуться обещал.
Не скоро ждёт меня привал,
Не скоро ждёт меня привал.

Перевод И. Оганджанова